

ВЫЙТИ НА ЛЮБОЙ СТАНЦИИ

— КНИГА 5 —

ВЫЙТИ НА ЛЮБОЙ СТАНЦИИ

Иногда, чтобы найти себя,
нужно выйти
из вагона и сделать шаг
в неизвестность.

ЛЮБОЙ
СТАНЦИИ

НИКОЛАЙ ГАНЮШКИН

Николай Ганюшкин

Выйти на любой станции .Том 5 .Выйти на любой станции .

<https://litres.ru/74314649>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он так и не нашёл ответа на вопрос, с которого всё началось. И именно это оказалось ответом.

Пройдя через чужие маршруты, свет и обвал, Артём приходит к самому тихому и самому важному своему открытию: универсального ответа на вопрос «как правильно прожить жизнь» не существует — и это не приговор, а освобождение.

Он помирится с отцом — наполовину, по-настоящему, через старую гитару и три аккорда. Он сделает первый в жизни выбор не из страха, а из желания — не зная, выйдет ли. И однажды, сев на место ушедшего наставника, он увидит за соседним столиком потерянного восемнадцатилетнего мальчика — и поймёт, что свет, который однажды передали ему, теперь его очередь передать дальше.

Пятая, финальная книга, давшая имя всему циклу, возвращает героя к тому же двору, тем же качелям, той же мусорке, с которых всё начиналось. Изменился не мир — изменился взгляд. Что, если

самое главное решение в жизни — просто сойти с кольца и пойти,
всё равно куда, лишь бы своей дорогой?

Содержание

Николай Ганюшкин

5

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Николай Ганюшкин

Выйти на любой станции .Том 5 .Выйти на любой станции .

Николай Ганюшкин

КНИГА ПЯТАЯ

ВЫЙТИ НА ЛЮБОЙ СТАНЦИИ

Часть V. Путь

Глава 36. Утро без иллюзий

Зима в тот год пришла тихо. Не так, как год назад, когда она навалилась на меня прогулами, ложью, схемами Марка, — а спокойно, буднично, засыпав город снегом, укрыв белым и мусорку во дворе, и качели, и весь мой мир, который от снега стал чище и как будто добрее. Я встречал эту зиму другим человеком. Не в том смысле, что стал мудрецом, нашёл себя и зажил счастливо, — нет, ничего такого. А в том смысле, что перестал ждать, когда же наконец начну жить

по-настоящему. Я начал жить сейчас. Обычной, будничной, ничем не примечательной жизнью — которая, как оказалось, и есть настоящая.

Утро одного из тех зимних дней я запомнил особо — хотя в нём ничего не случилось, ровным счётом ничего, и, может быть, именно поэтому оно и запомнилось. Я проснулся рано, сам, без будильника, — не от тревоги, как год назад, а просто выпавшись. За окном было темно и тихо, шёл снег. Я лежал под своей трещиной на потолке — она никуда не делась, всё так же ползла, — и вдруг поймал себя на том, что мне спокойно. Не радостно, не восторженно — а именно спокойно, ровно, устойчиво. И это спокойствие было для меня внове, потому что весь предыдущий год я не знал покоя ни минуты: меня всегда что-то грызло — страх, вина, тревога, поиск, боль. А тут — просто утро. Просто снег. Просто я, лежащий и дышащий. И этого было достаточно.

Я лежал и думал — без надрыва, спокойно — о своём главном вопросе. О том, с которого всё началось год с лишним назад, когда я вышел из школы с синим аттестатом и не знал, кем стать. Вопрос был: как правильно прожить жизнь? В чём смысл? Кем быть? Где моё место? Я искал ответ весь этот год — искал отчаянно, через боль, через ошибки, через людей. Университет не дал ответа. Марк не дал. Деньги не дали. Любовь не дала. Даже Николай Андреевич, самый мудрый из всех, — не дал прямого ответа, я специально вспоминал, ни разу не сказал «делай так и так, вот в чём смысл».

И вот, лёжа в то зимнее утро, я осознал наконец простую и огромную вещь: ответа нет.

Не в том смысле, что я его не нашёл. А в том, что его нет вообще. Нет единственного правильного ответа на вопрос «как прожить жизнь» — нет и быть не может, потому что жизней столько, сколько людей, и у каждого своя, и то, что правильно для Николая Андреевича (сорок лет в депо, по совести), было бы неправильно для Лизы (реставрация, искусство), а то, что для Даши (жить для других, потребность), не подошло бы Косте, а то, что для отца (стабильность, семья), убило бы во мне то живое, ради которого я весь год бился. Нет универсального ответа. Есть только твой собственный, который никто тебе не даст, потому что его нельзя дать — его можно только прожить, найти на ощупь, в движении, методом проб и ошибок, и то не найти окончательно, а нащупывать всю жизнь, потому что и сам ты меняешься, и ответ для тебя вчерашнего не годится тебе завтрашнему.

Год назад это открытие раздавило бы меня. «Ответа нет» звучало бы как приговор, как подтверждение всех моих страхов: значит, всё бессмысленно, значит, не на что опереться, значит, брошен во тьму без карты. Я весь год мучился именно оттого, что не мог найти ответ, — и предполагал, что мука кончится, когда ответ найдётся. А тут, зимним утром, я понял, что ответ не найдётся никогда, — и мука от этого не усилилась, а прошла.

Как так? Долго не мог понять — а потом понял. Меня всё

это время мучил не сам вопрос. Меня мучило ожидание ответа. Я жил в подвешенном состоянии — как в приёмной у врача, который вот-вот выйдет и вынесет вердикт: жить тебе или нет, правильно ты живёшь или зря. Я весь год просидел в этой приёмной, изводясь ожиданием, и не жил, а ждал, когда мне разрешат жить, — когда найдётся ответ, когда прояснится будущее, когда станет понятно, кем быть. Я откладывал жизнь до получения ответа. А ответа не было. И значит, я откладывал жизнь навсегда, до бесконечности, до самой смерти — так и просидел бы в приёмной у врача, который никогда не выйдет, потому что его нет.

И вот когда я понял, что врача нет, ответа нет, вердикта не будет, — я встал из этой приёмной и вышел. В жизнь. Потому что если ответа не будет никогда, то и ждать его — бессмысленно, а значит, надо просто жить, не дожидаясь, — жить с вопросом, а не в ожидании ответа. Вопрос остаётся — «как правильно жить» никуда не делся, он и сейчас со мной, и будет всегда. Но я больше не жду на него ответа как условия, чтобы начать. Я живу — с вопросом. Несу его с собой, как несут рюкзак, — он не мешает идти, он просто часть пути. Вопрос перестал быть стеной на дороге и стал попутчиком.

Вот в чём было главное взросление, до которого я дорос той зимой. Ребёнок думает, что у всего есть ответ, что взрослые его знают, что надо только вырасти — и тебе его дадут. Юноша ищет этот ответ, злится, что не находит, обвиняет

мир, что тот не даёт. А взрослый — настоящий взрослый — понимает, что ответа нет, и перестаёт его требовать, и учится жить внутри неопределённости, не как в тюрьме, а как в открытом поле. Незнакомец в вагоне говорил про чистый лист — про то, что страшно провести первую линию. Так вот, я год спустя понял вторую половину его правды: чистый лист страшен, пока ждёшь, что тебе скажут, что на нём рисовать. А как только понимаешь, что никто не скажет, что нет правильного рисунка, что рисуй что хочешь, — так лист перестаёт пугать и становится свободой. Неопределённость — это и есть свобода. Мы её боимся, потому что хотим гарантий, ответов, карт. А как перестаёшь хотеть гарантий — неопределённость оборачивается тем самым открытым полем, по которому можно идти куда угодно, и это не страшно, а прекрасно.

Я встал в то утро, оделся, пошёл на кухню. Отец уже собирался на работу — те же звуки, что и всегда, чайник, кран, шаги. Но теперь между нами не было той стены. Мы здоровались по-человечески, иногда он оставлял мне записку рядом с материнской — своим корявым инженерным почерком, что-нибудь про гитару: «Разучи переход ля минор — ре минор, вечером проверю». Мы занимались по вечерам — он учил меня трём, потом четырём, потом пяти аккордам, и в эти вечера отец оживал, тот его мальчик выбирался из-под бетона всё увереннее, и мать смотрела на нас из дверей кухни со слезами на глазах, потому что видела, как её муж,

которого она полюбила поющим тридцать лет назад, снова — впервые за тридцать лет — берёт в руки гитару.

Я варил себе кофе — медленно, как учил Николай Андреевич. И пил его медленно, глядя в окно на падающий снег, на двор, на голубей. Раньше я бы назвал это утро пустым, бессмысленным — сижу, пью кофе, смотрю в окно, никуда не двигаюсь, ничего не достигаю, время идёт впустую. А теперь я знал: это и есть жизнь. Не «потом», когда найду призвание и разбогатею. А вот это — снег, кофе, голуби, тишина, дыхание. Николай Андреевич сорок лет учился этому — просто сидеть у окна и быть наполненным. Я учился быстрее — обвал ускоряет учёбу. Но суть та же: счастье не в ответе на вопрос, а в способности пить медленный кофе, глядя на снег, не терзаясь тем, что не знаешь, зачем живёшь.

Я не нашёл смысла жизни. Хочу это сказать честно, без утешительной лжи, которой обычно кончаются такие истории. Я не прозрел, не понял «в чём смысл», не обрёл рецепт счастья. К концу своего пути я знал ровно столько же о смысле жизни, сколько в начале, — то есть ничего. Ни одного универсального ответа я не приобрёл. Если вы читали всё это в надежде, что в финале я выдам формулу, — простите, формулы не будет, потому что её нет, и всякий, кто её вам предложит, либо лжёт, либо продаёт.

Но я приобрёл другое, и это оказалось важнее ответа. Я приобрёл способность жить без ответа. Жить с вопросом. Жить в неопределённости — и не бояться её, а даже нахо-

дить в ней свободу. Я перестал ждать, когда мне разрешат жить, — и начал жить. Я перестал требовать от жизни смысла как условия — и обнаружил, что смысл, оказывается, не выдаётся заранее, авансом, а собирается задним числом, из прожитого. Что нельзя сначала понять смысл, а потом жить, — можно только жить, а смысл проступит потом, как проступает картина под тампоном реставратора, медленно, по миллиметру, и никогда до конца.

Утро без иллюзий — так я называл бы это состояние. Без иллюзии, что где-то есть ответ. Без иллюзии, что кто-то знает, как правильно. Без иллюзии, что будущее можно обезопасить, а жизнь — решить, как задачу с площадью трапеции. Все эти иллюзии обвал у меня отнял — и, отняв, освободил. Потому что иллюзии — это тоже опоры, только ложные, и пока стоишь на них, не стоишь на своих ногах. А как отнимут ложные опоры — так впервые и встаёшь на настоящие. На себя. На способность жить без гарантий.

Я допил кофе. Собрался на работу — на пункт выдачи, к Косте, к коробкам, к растерянным бабушкам. Работа маленькая, зарплата маленькая, и половина её пока уходила на долг. Год назад я бы стыдился такой жизни — бросивший универ, при долге, выдающий коробки. А теперь — не стыдился. Потому что понял: не в размере жизни дело, а в том, как её живёшь. Николай Андреевич сорок лет крутил гайки и был больше всех. Я выдавал коробки — по совести, медленно, помогая бабушкам, — и в этом было достоинство, а

не позор. И это была временная опора, я знал, — не постель, как для Кости, а земля, с которой я оттолкнулся, когда пойму куда. А куда — пока не знал. И, впервые, это меня не пугало. Пойму по дороге. Или не пойму — тоже ничего, буду идти, нащупывая.

Выходя из дома, я задержался у гитары в углу кухни. Тро-нул струну — теперь все шесть были целы, отец купил новые, натянул сам. Звук вышел чистый. Я усмехнулся, вспомнив первый кривой дребезжащий звук месяц назад. Вот так и жизнь, подумал. Начинаешь с кривого, дребезжащего, фальшивого — а потихоньку, аккорд за аккордом, оно выправляется. Не в шедевр — в шедевр редко выходит, старик прав. А в что-то живое. Своё.

Я вышел в снежное утро. Двор был белый, чистый, тихий. Голуби ходили по снегу, оставляя крестики следов. Я постоял, посмотрел на них — на чьих-то голубей с чьими-то именами, — и пошёл на работу, по местности, без карты, с вопросом в рюкзаке, медленно, не спеша, как учил старик.

Утро без иллюзий. Самое спокойное утро в моей жизни. Потому что впервые я ничего от жизни не требовал — ни ответа, ни гарантий, ни смысла авансом. Я просто жил её. И оказалось, что это и есть всё, что можно, и всё, что нужно.

Глава 37. Отец, наполовину

Название этой главы — «наполовину» — я выбрал не случайно, и хочу сразу объясниться, потому что тут легко со-

вратъ в сторону красоты. В книжках и фильмах примирение отца с сыном обычно показывают как полное: обнялись, заплакали, всё простили, поняли друг друга до конца, и дальше живут душа в душу. В жизни так не бывает. В жизни примирение — это всегда наполовину. Стена между нами с отцом рухнула — но на месте стены остался не гладкий луг, а развалины, по которым надо было ещё научиться ходить, не спотыкаясь. Мы помирились — но не стали вдруг лучшими друзьями, не начали болтать по душам каждый вечер, не сделались теми идеальными отцом и сыном из рекламы. Мы остались собой — двумя закрытыми, неловкими в чувствах мужчинами, которым трудно говорить о главном. Просто теперь между нами была не вражда, а неловкая, тёплая, спотыкающаяся близость. Наполовину. Но эта половина была бесконечно больше, чем всё, что было раньше.

Гитарные вечера стали нашим языком. Мы почти не говорили о чувствах напрямую — не умели, оба. Но мы разговаривали через гитару. Отец показывал аккорд — я разучивал. Он поправлял мою руку — своей, большой, шершавой от завода, ставил мои пальцы на нужные лады, и в этом прикосновении, в том, как он терпеливо, снова и снова показывал переход, который у меня не выходил, было больше отцовской любви, чем во всех словах, которых мы не умели сказать. Он учил меня не музыке. Он учил меня себе — тому себе, которого похоронил на антресолях тридцать лет назад и которого теперь, через меня, через мои неумелые пальцы,

потихоньку выкапывал обратно.

Однажды вечером — мать ушла к соседке, мы были вдвоём — отец, показав мне очередной аккорд, вдруг взял гитару сам. Первый раз при мне. Раньше он только показывал мне, поправлял, но не играл — как будто не решался, как будто боялся. А тут — взял. Пристроил на колене, привычным, не забытым за тридцать лет движением, тронул струны. И — заиграл.

Я замер. Потому что это было совсем другое, чем мои три аккорда. Руки у отца, неловкие в разговоре о чувствах, на струнах становились другими — уверенными, живыми, помнящими. Тело помнит то, что забыл человек. Тридцать лет отец не брал гитару — а руки помнили, пальцы сами находили лады, и полилась мелодия, простая, старая, его, — из той его молодости, из группы, из несбывшегося. А потом он запел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.